

МАГИ & МОТОРЫ

СЕРИЯ "МАГИ И МОТОРЫ"

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ДЕМОН-СЛМОЗВАНЕЦ

АНДРЕЙ ЛЕВИЦКИЙ
МЯГИЧЕСКИЙ ВОР

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ДЕМОНЫ ЮГА

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

ДЕМОН—
САМОЗВУНЕЦ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

Составитель серии *Алексей Бобл*

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Каменистый, Артем.

К18 Демон-самозванец / Артем Каменистый. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (Маги
и моторы).

ISBN 978-5-699-86143-9

Огромный мир разделен непреодолимой стеной Срединного хребта. Воды великих океанов сокрушили ее лишь в двух местах, но нет на свете морехода, способного проехать через них свои корабли. Да и кому придет в голову столь безумная идея? Жители Севера прекрасно знают, что за горами лежит раскаленный ад, где нет жизни...

А какой ад без демонов? Леон появился из пентаграммы в камере для столь опасных преступников, что с ними даже разговаривать запрещено. Само собой, его все считают демоном, хотя он обычный человек из плоти и крови и никогда не бывал за Срединным хребтом. Хочешь не хочешь, а придется Леону теперь служить своему повелителю, который не верит ни в ад, ни в рай, зато хорошо знает, какую тайну испокон веков скрывают великие горы Срединного хребта...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Каменистый А., 2016**
© **Оформление ООО «Издательство
«Э», 2016**

ISBN 978-5-699-86143-9

Глава 1

— Я вас не расслышал, повторите, пожалуйста.

Да без проблем, повторю, причем не один раз. Почему не один? А потому, что столь исковерканную речь даже опытный логопед вряд ли поймет с двух попыток.

Мне, конечно, нетрудно говорить членораздельно и достаточно громко, но только не в этом случае. Я ведь сейчас уже не совсем я, а некто Сергей Нарышкин, тридцати шести лет от роду, неполное среднее образование, холост, обременен легкими проблемами с дикцией и куда более серьезными — с умственной полноценностью. Так как под себя он не гадит, государство не считает нужным кормить его досыта, вот и приходится ему подрабатывать. А чем можно заняться, если противопоказана любая деятельность сложнее ковыряния в носу? Сергей нашел себе экологическую нишу, возможно, очистив ее перед этим от какой-нибудь милой старушки. Так уж вышло, что слово «уборка» для меня четко ассоциируется именно с немолодыми женщинами, вооруженными швабрами.

То, что Сергей пять раз в неделю заходит со служебного хода, отбирая честный хлеб у бабушек, здесь никого не удивляет. Охрана, за действиями которой следят целых три камеры, делает вид, что не про-

сто работает, а на ней здесь все держится, и потому уборщика пропускает лишь после короткого ритуала стандартной проверки. То есть вместо того, чтобы просто принять пропуск, спрашивают некоторые личные данные. А так как Нарышкин периодически забывает, куда сунул пластиковый прямоугольник с фотографией и не может внятно произнести свои данные, то задержки традиционны и никого не настораживают.

А вот их отсутствие может привлечь ненужное внимание.

Я, усердно шамкая губами и одновременно сворачивая язык в трубочку, предпринял очередную частично удачную попытку:

— Сеей Наыскын.

Охранник, из новых, так и порывался сказать что-то явно, по его мнению, забавное, но держался изо всех сил. Под надзором камер не пошутить — «Большой брат» зрит. Зато напарник его не испытывал радости от созерцания чужой неполноценности и даже снизошел до того, чтобы пойти навстречу:

— Сергей Нарышкин, уборщик, допуск рабочий. Проходите.

Теперь надо уронить пластиковый прямоугольник пропуска и поднять его максимально неловким способом. Руки у Нарышкина дырявые, за время наблюдения он ронял пропуск в сорока процентах случаев, так что мне настойчиво рекомендовали поступить аналогично.

Тем более что во время этого маневра лицо будет скрыто как от охранников, так и от камер: в пол их вмонтировать пока что не догадались. Физиономию мою желательно прятать под любым предлогом, слишком уж она невыразительна, будто носит ее не

живой человек, а статуя. Ни малейшей реакции ни на что — вечно одинаковое выражение.

И выражение это поменять не получится. Лицо ведь не родное, а фальшивка. Тупое и оплывшее, каким и положено быть лицу Нарышкина. Моя физиономия куда привлекательнее и на десяток лет моложе. И зовут меня совсем не Сергей. Только охране об этом знать необязательно.

Имя, кстати, у меня хорошее, запоминающееся, вот только многие переспрашивают — нет ли французских корней. В таких случаях я что-нибудь вру, потому как правду рассказывать долго и не очень-то приятно.

Так уж получилось, что меня угораздило родиться спустя несколько дней после того, как на экранах телевизоров Советского Союза впервые показали «мыльную оперу». Называлась она «Рабыня Изаура», и сказать, что имела успех, — это не сказать ничего. Я, конечно, не мог ничего помнить, но, судя по рассказам, всякая жизнь в стране во время трансляций прекращалась. Стояло все: от машин до заводов и электростанций. В промежутках между сериями люди обсуждали увиденное, широчайшим массам народа ни до чего другого не было дела. Слышал даже мнение, что именно из-за этого и развалилась великая страна.

В общем, когда пришло время выбирать имя для чада, у мамы не было ни малейших сомнений — разумеется, Леонсио. К счастью, она решила его сократить и, возможно, до сих пор где-то искренне верит, что уменьшительное от Леонсио — Леон.

Почему «где-то»? Да потому что она меня бросила сразу после рождения на попечительство бабушки, а потом и вовсе уехала с концами и письма слать перестала.

Такие вот дела.

Но я, в общем-то, ей благодарен. Хотя бы за то, что родила меня именно после «Рабыни Изауры». Ведь все могло закончиться куда печальнее: после нее запустили «Просто Марию», где уже не было Леонсио, зато имелся Хуан Карлос, с одной стороны, и обожающая сокращения мама, с другой.

Итак — охрана ничего не заподозрила. По их мнению, в тщательно охраняемое здание, занятое чуть ли не крупнейшим в стране медиахолдингом, зашел никакой не Леон в силиконовой маске (незаконченное высшее, холост, не без оснований считает себя лучшим образчиком человеческой породы), а Сергей Нарышкин (его краткую характеристику повторять не буду).

Вот и отлично, приступаем к следующей части плана.

План — это важно. Когда план предусматривает все, до последних мелочей, это пусть и не всегда осуществимый, но хороший план. Там, где я работаю, другие планы составлять не умеют. Вот сейчас я впервые в этом здании, но четко знаю, сколько шагов осталось до поворота и сколько ступеней в короткой лестнице, которая ведет к площадке грузового лифта. Почему выбрал грузовой? Да потому что я не просто так иду, а еще и груз толкаю — аляповатый пластиковый ящик, поставленный на четыре колеса. Швабры, тряпки, моющие средства — все в нем.

Ну и кое-что еще имеется, не относящееся к уборке.

Почему Нарышкин получает рабочие инструменты снаружи, из подъезжающей машины, после чего заходит в здание, я не знал. Порядок тут такой. Не исключено, что отечественные архитекторы, торопяся сварганить денежный заказ, позабыли спроектировать кладовку под такие нужды, и бедолаге Сергею

теперь попросту негде хранить швабру. Ну в самом-то деле, не станешь ведь под такое отдавать целый кабинет? Цены за квадратный метр в районе такие, что ему и кладовки-то много будет.

Хотя, думаю, все объясняется куда проще. Скорее всего уборщиков у холдинга вообще нет, и они прибегают к услугам клининговой компании, а та сама заботится об инвентаре для работников.

Вот я уже в лифте, и лифт движется наверх, к семнадцатому этажу. Именно там Нарышкин сражается с грязью пять дней в неделю. Не знаю, где он сейчас, но не сомневаюсь, что жив и здоров. Организация, в которой я работаю, не занимается убийствами и членовредительством. Да, это может стать прибыльным бизнесом, но здесь тот случай, когда деньги свободно конвертируются в неразрешимые проблемы, причем могут сделать это в самый неподходящий момент.

Мои боссы занимаются лишь чужими проблемами. Свои им ни к чему.

Предполагаю, что Сережа неожиданно повстречал прекрасных ребят, вмиг подружился с ними и в веселой компании выпил больше, чем рота гусаров. На радостях позабыл про все, в том числе и про работу, а может, и вовсе пребывает в нирване, валяется, сладко сопит, благоухая на всю темную подворотню пострадавшими от чрезмерности штанами. Ну не может у такого человека не быть пристрастия к вредным напиткам. Может, и будут потом неприятности, но пусть не держит зла: с ним ведь по-хорошему, даже по-приятному обошлись. А что до неприятностей, так против нас не бараны работают, и выяснить, что через охрану прошел не он, сумеют.

Охрана в таких случаях способна только на одно: поднимать записи; проверять, кто когда входил, вы-

ходил, чем занимался, сколько это длилось. Так составляется список тех, кто теоретически «мог». Что именно «мог»? Мог взять то, что было взято.

Или давайте не будем лицемерить: не просто взято, а взято без спроса.

То есть — украдено.

Да, я вор. Тяжелое детство и все такое. Только не ищите у меня записи всех концертов групп «Лесоповал» и «Бутырка». И синих куполов на груди вы тоже не найдете. Меня и воров-то назвать только такие бессовестные люди, как я, способны. Вслух такое никто никогда не произносит, тем более работодатели. Для тех, кто стоит за мной, я всего лишь крошечная насадка на огромном перфораторе, который с легкостью сокрушает любые преграды, что угодно, из любого материала. И плевать, что кто-то не сомневается в их несокрушимости. Я инструмент, предназначенный для того, чтобы доставать ценности, спрятанные за охраняемыми периметрами.

И прикасается к спрятанному именно та самая крошечная насадка.

Ворую не я — работает система.

Лифт не стал останавливаться на семнадцатом, я ведь и правда не собираюсь отнимать у Сергея его хлеб. Так что тамошние полы сегодня драить не будут. Мне надо на шесть этажей выше. Там во всем крыле вот уже с час нет ни единой души, так что по пути к следующей точке маршрута мне даже словом перемолвиться не с кем будет.

И это хорошо, так как непросто будет объяснять, почему вместо семнадцатого уборщик оказался на двадцать третьем.

Выйдя из лифта, первым делом стащил маску, после чего с неимоверным наслаждением почесал нос. Примитивный поступок, но неистово мечтал об этом

минут пятнадцать. Хорошее было лицо, почти как настоящее, но к родной коже доступ перекрывало полностью. Сослужило свою службу и прощай навсегда.

Есть, конечно, ненулевая вероятность, что придется показываться на глаза. В таком случае личина Нарышкина была бы кстати, но составители плана считали, что комфорт для исполнителя важнее.

Да и кто меня здесь увидит? И как? Владельцы холдинга, может, и любили швырять деньги на ветер, но предавались этому занятию где-нибудь в районе Куршавеля, а здесь вели себя как любимые правнуки гоголевского Плюшкина. Неудивительно, что света на всем этаже не было. А зачем он нужен, если никого нет? Впустую счетчик мотать?

Ради меня его зажигать не станут. Можно, конечно, самому включить, но это чревато — вдруг кто-то из знающих со стороны увидит и нехорошо удивится. Трудно, конечно, представить, что кому-нибудь взбредет в голову контролировать, сколько и на каких этажах окон горит, но мой план составлялся предусмотрительными людьми, они не отмахивались даже от самых маловероятных вероятностей.

Я человек талантливый (где-то даже чересчур), и физически природа одарить меня не поскупилась. Но кое в чем и прижимистость проявила. К примеру, не наделила кошачьим зрением. И что мне теперь делать на темном этаже, расположенном так высоко, что уличный свет не добивает до окон? Да и окна эти за непрозрачными дверьми, а в коридорах экономится электроэнергия.

Спасибо чудесам техники, хоть прибор ночного видения работает хуже натурального зрения, но заменить его там, где оно не справляется, может. К тому же у этой модели масса полезных функций. Вот одна из них — из-за эффектов трения и сдавливания след

человека отличается по температуре от окружающей среды. Разумеется — очень свежий след. Мой прибор эту разницу засекает. Посмотрел вниз и видишь, что перед тобой здесь кто-то прошел, и даже можно определить, в какую сторону.

Есть и другие полезные для меня свойства. Скрытые в стенах провода тянутся к замаскированным датчикам сигнализации. По ним протекает слабый ток, с потерями на сопротивление. Но ведь энергия не возникает ниоткуда и не уходит в никуда, так на что идут потери? Правильно, в том числе и на разогрев материала проводника.

Сигнализация на этаже есть, но не везде, и уровень ее меняется от места к месту. В том, куда я направляюсь, она достаточно серьезная. К тому же составители плана при всем желании не могут учесть все. Они просто люди, а человек не всеведущ. Всякое случалось. Однажды от меня требовалось переписать данные с жесткого диска. Посвящать меня в то, что именно следует выбирать, никто не стал, а может, и сами не знали всех деталей. Компьютер оказался на пароле, что планом не предусматривалось. Точнее, предусматривалось, но считалось, что справиться можно будет несложной технической манипуляцией. Увы, но все оказалось далеко не так, и я провозился почти полтора часа вместо предусмотренных семи минут.

И что в итоге? В итоге я обнаружил на диске большой раздел, заполненный красочными видео и фотоматериалами на тему полного раскрытия одной из разновидностей альтернативного сексуального поведения. Особо хочу отметить — лично меня эти особенности совершенно не интересовали, но тем не менее я был вынужден копировать их гигабайт за гигабайтами, пока не скачал все. Ни один самый

заваливший файл не ускользнул от моего внимания. Ведь приказ был прост и ясен, ни крохи информации нельзя было оставить без внимания.

Вряд ли заказчика интересовало именно содержимое того веселого раздела. Наши услуги стоят недорого, за такие деньги он бы мог скачать все порно мира не один раз. Но, надеюсь, он не подумал обо мне ничего плохого, когда пытался в этих навозных гигабайтах найти свой «жемчужный байт».

Из-за этих самых гигабайтов я тогда потерял лишние два с половиной часа. Мало того, что провозился с паролем, так еще и с копированием вышла задержка. Современные компьютеры еще не научились выполнять мгновенные операции со столь серьезными массивами данных.

Фора по времени предусматривается всегда, но два с половиной часа — это... Очень не хочется, чтобы подобное повторилось.

Вот я и на месте. Ничем не примечательное пересечение коридоров, ничего интересного здесь не наблюдается. Но это если говорить только о данном этаже. А вот чуть ниже картина меняется, ведь именно там находится одно из мест, где мне не должна помешать докучливая система электронной охраны.

Так уж получилось, что нужный мне этаж, а точнее, часть его, облюбовал один далеко не последний человек в холдинге. Там у него, так сказать, личные апартаменты, причем весьма приличные. На этой площади можно было разместить добрую сотню клерков без тесноты и обид. Но из-за барских замашек на ней обитает всего один человек — горничная из Таиланда, скромная, тихая женщина средних лет. Сам хозяин бывает здесь нечасто, так что отвоєванный кусок этажа для него не более чем статусное отличие.

К тому же личный сейф охраняется не просто электроникой, а живыми сотрудниками собственной службы безопасности, коих в здании не один десяток человек.

Удобно.

Охрана, кстати, тема отдельного разговора. Не знаю, зачем честному медиахолдингу столь навороченные электронные системы безопасности и тем более, целая орава головорезов. Возможно, помимо прочего они занимаются оптовой торговлей героинном или производят ЛСД в промышленных масштабах где-нибудь этажом выше. Меня предупредили, что здесь день и ночь дежурит немаленький отряд, вооруженный до зубов. Так что, если ошибусь, вязать меня будут не какие-нибудь колхозные сторожа, а чуть ли не спецназ.

Чур такие мысли!

Ладно, вернемся к объекту. Тайка — живой человек, а не набор микросхем. Она должна кушать, пить, двигаться, то есть выполнять действия, которые могут вызвать бурную реакцию охранной системы. Поэтому доступ в ряд помещений ей в обычное время запрещен, даже уборку там она делает по графику, в присутствии представителей службы безопасности. На остальной площади апартаментов сигнализация не реагирует на обитателя апартаментов, контролируя лишь периметр.

Вот подо мной как раз такое место. Остается один вопрос: как туда попасть? Люка в полу нет, сквозь железобетон я просачиваться не умею.

Но имеются другие способы.

Можно, к примеру, спуститься при помощи альпинистского снаряжения, разрезать стекло, проникнуть. Способ очевидный, и, естественно, к нему готовы — на окнах стоят датчики. Они не реагируют на движе-

ние горничной по комнатам, но я, даже если замаскируюсь под тайку, все равно не смогу сойти за своего.

Нет — сложно, опасно до глупости. Такие планы не для нас.

Окно отпадает, что дальше? Так как нуль-транспортровку пока что не изобрели, остается только пол. Тоже очевидный ход, и к нему тоже готовы. Железобетон лишь на вид прочен, существует множество способов пройти через сделанную из него преграду за кратчайшее время. Самый быстрый и очевидный — взорвать. Эффектно, признаю, но не для этого случая. Как ни старайся, но такой звук до безопасных значений не заглушишь, даже если люди не услышат, мимо датчиков такое не пройдет, они ведь помимо прочего следят за шумом и вибрацией.

А это еще что такое?! Мне ведь обещали полное одиночество, но, судя по звукам, на этаже кто-то есть. И как минимум два человека. Мужчина и женщина, причем вести они себя начинают все более и более шумно. И заняты они вовсе не сверхурочной работой, а друг дружкой.

Внезапный порыв страсти охватил двух задержавшихся трудоголиков? Тогда почему в окнах нет света? Значит, не внезапный, а спланированный. Выждали, когда все уйдут, уединились, и понеслось.

Я, конечно, понимаю, что дома их могут ждать ревнивые мужья и жены, а снимать номер на часок жаба не позволяет. Но неужели они не могли выбрать для этого другой день? Ведь план не предусматривал, что мне придется работать по соседству с пылкими любовниками.

Развернуться? Уйти, пока не поздно? И что потом? Повторить в другой день, надеясь, что служба безопасности не заметит махинацию с Нарышкиным? Решает в таких случаях исполнитель — то есть я.